

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ АГА-ХАНА В ПОСТКОНФЛИКТНОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ ТАДЖИКИСТАНА

DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-308-323

Аннотация Исламские НПО имеют особое влияние среди мусульманского населения. Крупнейшие из них также оказывают гуманитарную помощь развивающимся странам. Организация развития, основанная имамом мусульман-исмаилитов Ага-Ханом, отличается от других исламских и в целом религиозных НПО. Она позиционирует себя как нерелигиозная организация, хотя многие идентифицируют ее именно как религиозную. Организация развития Ага-Хана основывает свою работу на этике «мусульманского гуманизма», однако дополняет ее рядом нетрадиционных для исламской этики ценностей, в число которых входит личная инициатива, самостоятельность, самопомощь, успешность на капиталистическом рынке, лояльное отношение к государственной власти. Такая этика по-разному воспринимается и интерпретируется агентами внутри самой организации, например, ее администрацией в Женеве и теми, кто реализует конкретные программы развития на местах. Деятельность Организации развития ага-Хана рассматривается в статье на примере ее работы в Таджикистане. Иногда из-за расхождения в понимании постулатов исмаилитской этики помощь по развитию ведет к незапланированным последствиям, в числе которых – рост социального неравенства.

Ключевые слова Организация развития Ага-Хана, исмаилиты, неолиберализм, «исламское развитие», мусульманские НПО, Таджикистан, постконфликтное восстановление, кризис в Хороге 2012 г.

Title The role of Aga Khan Development Network in Tajikistan's postconflict development

Abstract Muslim NGOs enjoy special influence among the Muslim populations. The largest of such NGOs provide humanitarian assistance to developing countries. The Aga Khan Development Network (AKDN), founded by Agha Khan, the imam of Ismaili Muslims, differs from other Muslim and religious NGOs. It positions itself as a non-religious organization, but many identify it as a religious organization. AKDN's activity is based on the ethics of "Muslim humanism", but its value system includes a set of values that are not traditional for Islamic ethics, including personal initiative, independence, self-reliance, success in the capitalist market system and loyal attitude to the government. Such ethics are perceived and interpreted by network's agents in different ways, including by the AKDN administration in Geneva and by those who implement its development programs in the field – including in Tajikistan that is used as a case study in the article. Sometimes, the differences in the understanding of the postulates of the Ismaili ethics may bear unexpected consequences, including growing social inequality.

Keywords Aga Khan Development Network, Ismailis, neoliberalism, "Islamic development", Muslim NGOs, Tajikistan, post-conflict reconstruction, the 2012 Khorog crisis

---

Алексеева Александра Вячеславовна – независимый исследователь, социолог (Санкт-Петербург).

Автор выражает признательность д.и.н. С.Н.Абашину, профессору антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, и В.Д.Никулиной, полевые материалы которой используются в статье.

I. Введение

В научной литературе мусульманские НПО рассматриваются реже, чем светские или христианские, но им тоже уделяется внимание.¹ Мусульманские НПО разнообразны и предоставляют богатый материал для исследований. Можно, например, выделить три условных типа таких НПО: «джихадистские» (саудовский фонд “Al Haramain”); «мирные» НПО, поддерживающие религиозный уклад жизни (например, International Islamic Charitable Organization); «умеренные» НПО, в основном ориентированные на гуманитарную помощь, в т. ч. в постконфликтных условиях, и развитие инфраструктуры (например, турецкая ассоциация “Deniz Feneri”).² Это лишь одна из многих возможных классификаций. В статье мусульманские НПО также подразделяются на тех, которые в основном поддерживают и субсидируют религиозные институты, и тех, которые работают в более общем русле развития, способствуя установлению устойчивого развития, просвещению (распространению грамотности и образования) и т. п.

Мусульманские НПО стали активнее появляться, в т. ч. на Западе, в 1970-е гг., когда развитие СМИ способствовало тому, что мусульмане, в т. ч. мусульманские диаспоры в развитых странах, стали регулярно получать новости о проблемах и бедствиях мусульманских сообществ. Наряду с начавшимися формироваться мусульманскими гуманитарными организациями в быстро богатевших арабских монархиях Персидского залива, мусульмане из «благополучных» стран Запада также стали объединяться в НПО, которые начали систематически оказывали помощь «братьям по вере». Большинство новообразованных организаций делали акцент не только на гуманитарной помощи, но и на поддержке религиозного уклада – строили новые мечети, открывали курсы религиозного обучения для детей.

Ситуация довольно резко изменилась после терактов 11 сентября 2001 г. в США, которые инициировали масштабную международную кампанию по проверке и давлению на мусульманские НПО, в результате часть из них были признаны террористическими организациями. С этого момента международные доноры стали чаще сотрудничать с «умеренными» мусульманскими НПО, которые становились в своей деятельности все более походили на светские. Такие «умеренные» организации, сохраняя религиозную принадлежность, переориентировались на «западное» понимание функций и задач организаций содействия развитию, включая продвижение образования, повышение грамотности, в т. ч. компьютерной, предоставление возможностей для устойчивого развития, оказание помощи всем группам населения, а не только мусульманам. Однако, по сравнению со светскими НПО, у НПО разной степени религиозности (включая умеренные) имеют и ряд существенных преимуществ: например, население, исповедующее ислам, зачастую в большей степени предрасположено доверять именно мусульманским НПО, в то время как влияние светских НПО нередко воспринимается с недоверием.

В статье рассматривается деятельность умеренной мусульманской НПО AKDN (Aga Khan Development Network) в Республике Таджикистан.³ Основное внимание уделено тому, как разница в восприятии исмаилитской этики администрацией AKDN и людьми на местах влияет на реализацию программ развития и примирения. В основу статьи легли полевые материалы, собранные Викторией Никулиной, работы Фарухруза Конунова (анализ конфликта в Хороге 2012 г.), Фрэнка Блисса и других авторов, а также личный опыт полевой работы автора в Таджикистане (в 2014–2015 гг.). Этот материал интерпретируется автором в свете критики концепции «неолиберального развития» – на примерах того, как влияние западноцентричного понимания гуманитарной помощи и развития может вести к росту экономического неравенства на местах и влечёт изменение социальной структуры локальных сообществ.

II. Программы развития и неолиберализм

Исследуя деятельность НПО в странах Африке в контексте неолиберальных подходов к проблемам развития,⁴ Ф.Манджи и К.О'Койл указывают на то, что в эпоху колониализма миссионерские организации обеспечивали население базовой помощью и тем самым сглаживали конфликт между колонизаторами и местным населением. Однако после образования на месте колоний независимых государств место таких миссионерских организаций заняли дискурс и практика так называемого *девелопмента*. Характерно, что неолиберальный дискурс «девелопмента» имел немало общего с ориенталистским и расистским дискурсом, характерным для миссионеров. «Развитие» понималось не в терминах эмансипации или справедливости, а в терминах «благотворительности», «технической экспертизы», «нейтральности», «патернализма». В этой парадигме страны-получатели помощи и их население описывалось не столько в содержательных категориях, сколько по принципу «чем они не являются» (или «от противного»): хаотичные – не упорядоченные, традиционалистские – не современные, коррумпированные – нечестные, иными словами, не обладающие всем тем, что традиционно приписывается развитому миру, а по сути Западу (порядок, современное развитие, прозрачность и т. п.), который в таком сценарии призван играть цивилизующую роль.

В последние десятилетия неолиберальные концепции развития подвергались немалой критике.⁵ Однако в работе Манджи и О'Койла важен тезис о том, что такие программы развития в принципе не ставили целью снизить влияние или искоренить те факторы, которые вызывали бедность (например, отсутствие хорошо функционирующего, дееспособного, социального государства), а учат жить и справляться с ней по мере сил (например, опираться на инструменты, предлагаемые НПО). Таким образом, проблема переносится с глобального уровня на локальный, на уровень отдельных людей, где каждый ответственен за свое состояние, а речи о более справедливом социально-политическом устройстве не идет. М.Атия изучает этот подход на примере ряда умеренных мусульманских НПО в Египте, называя его «благочестивый неолиберализм» (*pious neoliberalism*).⁶ Неолиберализм здесь используется в значении модуса управления – как концептуальная основа программы и мер экономического развития (дерегуляции, маркетинга, приватизации). Так как НПО берут на себя функции предоставления социальных услуг, они также в каком-то смысле принимают участие в процессе социального управления и могут, в частности, влиять на его направленность. М.Атия показывает, что даже религиозные НПО могут перенимать неолиберальные практики, объясняя и оправдывая их в рамках религиозной этики, ссылками на религиозные тексты и т. п. В подобном нарративе «религиозная» основа социального благополучия базируется на личной инициативе, на волонтерстве. Риторика таких «продвинутых» религиозных НПО упирает на самопомощь и усваивание навыков западного менеджмента как решение проблем социального обеспечения. В их дискурсе сочетается религиозное смирение и экономическая выгода: люди должны быть активными и предприимчивыми, ценить науку, эффективность, богатство и пунктуальность – и таким образом они улучшают свои отношения с Богом.

Подчеркнем, что, как и в первом случае, акцент здесь смещается с политических и иных глубинных причин социальных проблем на индивидуальный уровень: предлагается решать проблемы в личном порядке. Если такой императив – например, при работе в мусульманской среде – исходит от «чуждых» западных НПО, то он нередко просто игнорируется местным населением. Однако, если он исходит, пусть и в несколько измененном виде, от «своих», мусульманских НПО, то им сложнее пренебречь.

Итак, традиционное противопоставление (в т. ч. как двух взаимоисключающих систем ценностей) «неолиберального развития» «исламскому развитию» как проповедующему принципы распределения доходов и социальной справедливости, причем в ярко выраженный «антизападном» ключе, может найти свое разрешение в

гибридном феномене неолиберального исламского развития. Этот своеобразный «третий путь» подрывает нарратив о том, что «рыночная экономика, секуляризм и демократия» всегда сочетаются, а религия – альтернатива неолиберализму.

Параллельно трансформируется и сам глобальный проект «девелопмента»: он все больше выходит за рамки простого предоставления помощи (т. е. распределения среди населения продуктов и благ, которых недостает). НПО, в т. ч. религиозные, вовлекаются в проекты поощрения микропредприятий, микрофинансирования, профессиональной переподготовки «обездоленных» (нацеленных на то, чтобы население стало более автономным и меньше нуждалось в гуманитарной помощи). Доноры и НПО все активнее спонсируют проекты, для выполнения которых нанимаются местные жители, в стремлении превратить их в «ответственных» и «предприимчивых», т. е. «неолиберальных», субъектов.

III. AKDN и этика исмаилизма

AKDN – организация развития Ага-Хана, имама движения исмаилитов. Исмаилизм – это направление шиитского ответвления ислама. Исмаилиты живут во многих странах мира, но возникло это течение в XIX в. в колониальной Индии. Ага-Хан I, первый имам, возглавивший общину исмаилитов после длительного периода ее скрытого существования, бежал из Персии в Индию, где стал сотрудничать с британскими колонизаторами. Получив от них финансирование, он наладил коммуникацию между общинами исмаилитов. За это британцы получили право определять, кто является исмаилитом (в колониальных судах) и мобилизовать индийские исмаилитские силы для военных походов. Последующие имамы продолжали сотрудничать с колонизаторами. Ага-Хан III увлекся «прогрессивной» Европой и уехал туда жить, впоследствии играя заметную роль в международной политике. С тех пор резиденция исмаилитских имамов – как и головной офис AKDN – находится в Женеве.

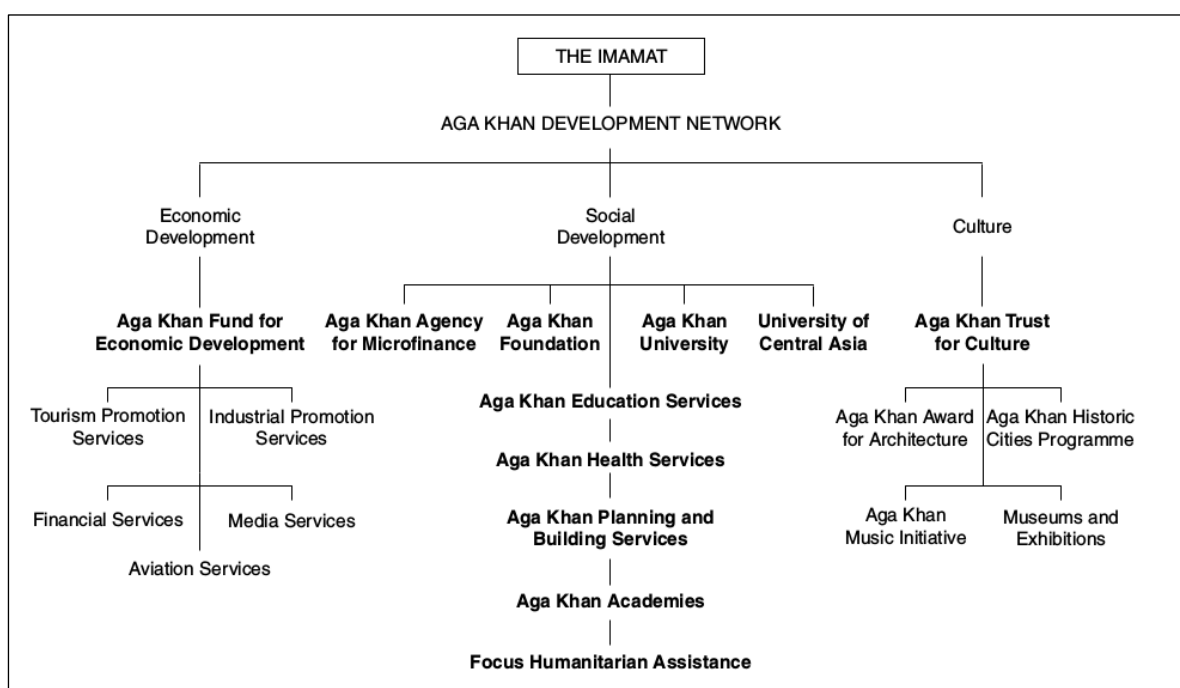
AKDN работает в 30 странах Центральной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки, Европы и Северной Америки. Ее годовой бюджет составляет около 625 млн. долл.⁷. Программы AKDN финансируются за счет частных пожертвований, в т. ч. мусульманских религиозных взносов (*закят*), а также средств фонда экономического развития AKDN, который занимается коммерческими проектами (Aga Khan Fund for Economic Development / AKFED) и благотворительных фондов.

Организация развития Ага-Хана выделяется из множества мусульманских НПО, прежде всего, тем, что официально не является религиозной организацией, несмотря на то, что Ага-Хан – это имам (духовный лидер) исмаилитов.⁸ *«Являются ли AKDN и ее подразделения религиозными организациями? – Нет. Работа AKDN основывается на этических принципах ислама, ...но AKDN не ограничивает свою деятельность страной или сообществом людей».*⁹ Однако нельзя сказать, что AKDN – это и полностью светская НПО, хотя бы потому, что извне ее в основном воспринимает именно как религиозную.¹⁰ Объяснять саморепрезентацию AKDN как нерелигиозную можно по-разному: например, выбор в пользу такого статуса может облегчать сотрудничество с организациями-донорами. Кроме того, во многом организация действительно работает как светская НПО: ряд ее сотрудников – не исмаилиты, AKDN не занимается прозелитизмом или религиозным образованием, а лишь осуществляет проекты гуманитарной помощи, развития и сохранения «культурных ценностей». Однако ее деятельность, безусловно, еще более укрепляет и без того огромный авторитет имама исмаилитов, прежде всего, в своей общине, но отчасти и обеспечивает влияние имама и исмаилитской общины за ее пределами.

Основные постулаты исмаилитской этики восходят к эпохе Ага-Хана III (1877-1957 гг.) – ключевой фигуры в истории исмаилитов. В начале XX в. он начал процесс «модернизации» сообщества исмаилитов, как в этическом, так и в экономическом плане. Ему принадлежит инициатива открытия школ и повышения уровня грамотности в исмаилитских сообществах сначала в Индии, а потом и в других

странах. В религиозной доктрине иismaйлитов Ага-Хан имеет статус, условно сравнимый со статусом Папы римского в католической церкви: так, он имеет право корректировать традиции. В своих проповедях (*фарманах*) Ага-Хан III делал акцент на индивидуальном предпринимательстве и, как следствие, экономическом процветании общины. Его линию продолжил его наследник, Шах Карим аль Хусейни, Ага-Хан IV (1936 г. р.), который формализовал принципы этики и продолжил развивать инфраструктуру образования и бизнеса. Главными этическими принципами и ценностями иismaйлитов являются: инклюзивность, образование (в т. ч. для женщин) и просвещение, сочувствие к другим и совместное использование благ, опора только на самих себя (самопомощь), уважение к жизни и охрана здоровья, устойчивое развитие и т. п.¹¹ Эти принципы Ага-Хан IV выводит из исламских доктрин, а свою деятельность видит как «реализацию социальных последствий ислама через институциональное действие».¹²

Рис. 1. Схема структур Организации развития Ага Хана

Эти постулаты во многом схожи с постулатами гуманитарной этики, которыми руководствуются, в частности, нерелигиозные или «неолиберальные» религиозные НПО. В духе такого «исламского гуманизма» и работает AKDN. Три основных направления работы этой организации – экономическое, социальное и культурное развитие. Экономическое развитие включает развитие туризма, сельскохозяйственной инфраструктуры и промышленности (частью таких проектов занимается «коммерческое» подразделение AKDN – AKFED). Любое вложение AKDN носит стратегический характер. Это свойство «холистического» подхода Ага-Хана к развитию:¹³ любой проект должен затрагивать многие аспекты, влияющие на благосостояние сообщества. Так, если AKDN строит в том или ином месте гостиницу, то это предполагает, что гостиница будет местом, где смогут остановиться, например, бизнесмены, заинтересованные в работе в регионе, т. е. это будет не «просто» гостиница. Социальное развитие реализуется через построение и поддержание образовательных учреждений (Университета Центральной Азии, т. н. школ Ага Хана в разных регионах), создание инфраструктуры для здравоохранения, планирование городского развития, развитие микрофинансирования, а также гуманитарную помощь

(на этапах, предшествующих «развитию»). Культурное развитие включает сохранение и продвижение национальной и этнической культуры.

В соответствии с принципом инклюзивности AKDN старается оказывать помощь и развивать инфраструктуру не только исмаилитских сообществ и не только там, где преимущественно живут исмаилиты, но и в других районах и странах, которые нуждаются в помощи (например, в Кении). Как провозгласил Ага-Хан IV в своей речи на открытии “EPZ Ltd.” на реке Атхи в Кении: *«Имамат понимает “качество жизни” как включающее весь этический и социальный контекст, в котором живут люди, а не только их материальное благополучие. <...> Речь идёт об инвестировании в людей, их интеллектуальном развитии и поиске новых и полезных знаний, а не только о материальных ресурсах. <...> Это работа, которая приносит пользу всем, независимо от пола, этнической принадлежности, религии, национальности или происхождения. Разве не говорит Священный Коран, что Аллах создал все человечество из одной души?»*.¹⁴

Этическая система Ага-Хана имеет еще две важные особенности. Первая состоит в том, как организация развития и гуманитарной помощи AKDN старается повысить «качество жизни» жителей регионов, в которых она работает. При этом проводится линия на то, что для того, чтобы достичь благосостояния, страна и общество должны пойти по пути демократии (что подразумевает развитие гражданского общества) и сотрудничества с капиталистическими институтами. *«AKDN намеренно способствует участию исмаилитов в более широких капиталистических системах и, таким образом, “социализирует” своих участников в капиталистическом мире»*.¹⁵ Быть участником свободного рынка – значит полагаться только на себя, а не, например, на централизованную власть, которая доставляет блага «по расписанию». В этом состоит проповедуемый AKDN принцип самопомощи. Чтобы нарастить потенциал «на местах», AKDN нанимает минимальное число международных профессионалов, и они передают знания местным сотрудникам AKDN. Такая стратегия способствует «воспитанию лидерских качеств среди местного населения», которые также необходимы для успеха в капиталистическом мире.

Вторая особенность – то, что Ага-Хан поощряет патриотизм и любовь к своей стране: исмаилиты должны быть лояльными гражданами той страны, где живут.¹⁶ В прошлом столетии Ага-Хан III оставил свои территориальные амбиции (он тогда мечтал о создании маленького отдельного государства исмаилитов, наподобие Ватикана, но индийская власть ему в этом отказала). Это не значит, что исмаилиты потеряли амбиции «государственности» – просто имамат определяет исмаилитов как экстерриториальное государство¹⁷ (и действительно, у имамата есть развёрнутый бюрократический аппарат, своя организация развития AKDN и т. д.). Чтобы это «государство» стабильно функционировало, необходимо, чтобы его интересы не входили в конфликт с интересами «реальных» государств, в которых проживают исмаилиты.

IV. AKDN в Таджикистане

После распада СССР в 1990-е гг. в Таджикистане не было единогласия насчёт того, какая политическая сила должна прийти к власти. В 1992–1997 гг. страна находилась в состоянии гражданской войны, в которой основными противоборствующими сторонами были, с одной стороны, бывшая советская номенклатура, а с другой, разнородная таджикская оппозиция, в состав которой входили как исламистские, так и демократические силы. Памирцы поддержали оппозицию. Хотя гражданская война была закончена путем мирных переговоров, позиции президента Эмомали Рахмонова, представителя региональной элиты (кулябской, по названию региона на юге страны) только укрепились. Президент остается у власти и по сей день и в рамках своего видения национального проекта для Таджикистана активно борется с регионализмом.

В ходе гражданской войны памирцам (комплексная идентичность, построенная на языке и религии),¹⁸ т. е. исмаилитскому населению Таджикистана, пришлось «несладко» по ряду причин. Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) – регион, в основном заселенный памирцами, находится в географической изоляции от остальных районов Таджикистана и соединён со столицей Душанбе только дорогой через Гарм (региональный центр), построенной в советское время. Памирцы всегда были автономны от центральной власти в Душанбе. У них другой язык (а точнее, целый набор языков – шугнанский, ваханский и т. д.), который значительно отличается от таджикского, другая религия (а отличие от таджиков-суннитов, памирцы – шииты-исмаилиты). Географическое положение ГБАО в труднодоступном горном районе на границе с Афганистаном обусловило и другую особенность – Памир был стратегически важным регионом для СССР, где были расквартированы пограничники, которые приносили с собой культуру «метрополии».

Памир долгое время был дотационным регионом – в горах недостаточно земель для развития сельскохозяйственных угодий, чтобы прокормить все население. В советское время продовольствие доставлялось в регион из других частей страны. Когда советская власть перестала существовать, центральные власти Таджикистана, раздираемого гражданской войной, не смогли покрывать нужды населения ГБАО. Во время войны дорога через Гарм – единственная, по которой можно попасть в Хорог, – была частично разрушена, и движение по ней прекратилось; осталась только дорога в Ош (Киргизия). В 1993 г. центральное правительство смогло предоставить ГБАО лишь 10% от необходимого объема поставок продовольствия, топлива, запчастей для ремонта техники и т. п.,¹⁹ в 1994 г. – 25%. До середины 1995 г. в ГБАО поставлялось лишь 3% необходимой пшеничной муки и менее 2% масла. Сам регион в 1994–1995 гг. производил только 20% продовольствия, в котором нуждался.

В это время на помощь памирцам пришла организация Ага-Хана. Впервые «дидор» – встреча памирцев с Ага-Ханом IV – состоялась в 1995 г. На этой встрече они признали за Ага-Ханом религиозный авторитет (в советский период памирские исмаилиты институционально были оторваны от мирового исмаилитского сообщества).²⁰ Гуманитарная помощь со стороны AKDN включала поставки продовольствия и наращивание возможностей самообеспечения региона. Грузовики с мукой и продуктами шли по дороге Ош – Хорог (это около 700 км горной трассы). По этой дороге с советского времени обычно ходили только небольшие грузовики, поэтому для доставки гуманитарной помощи пришлось совершить много рейсов. Потом поставки направлялись из Хорога по районам Памира, где они распределялись по кишлакам, а в каждом кишлаке поровну делились между домохозяйствами.²¹

В 1993 г. при поддержке AKDN была создана Программа развития Памира (Pamir Relief and Development Program), которая потом была преобразована в Программу развития горных регионов (Mountains Societies Relief and Development Program). Она ставила задачу наладить условия жизни в ГБАО и аккумулировала средства не только из AKDN, но и из других международных фондов. В рамках этой программы прошла реформа сельского хозяйства: бывшие земли колхозов были предоставлены в аренду жителям кишлаков для частного фермерства (всем домохозяйствам были предложены участки одинаковой площади). Ирригационная система находилась в упадке, и AKDN занялась ее восстановлением и строительством новых оросительных каналов. Несмотря на первоначальные трудности, программа имела успех, и за несколько лет урожаи удалось значительно повысить. Кроме этого, AKDN в 1995–2003 гг. восстановила более 100 мостов, в 1997 г. построила ряд небольших ГЭС для обеспечения региона энергией в рамках Pamir Private Power Project и предоставила материалы для частичного ремонта школ и больниц. Только в 2000–2003 гг. были построены или отремонтированы 92 больницы, 48 школ, 89 мостов.

Кроме того, AKDN привнесло новую форму социальной «деревенской организации» (Village Organization).²² У местных жителей не было привычки участия в принятии решений, важных для сообщества, все решения принимались по принципу

«сверху вниз», и потребовалось некоторое время для того, чтобы привлечь людей к активному участию в жизни общины.

Ф.Блисс перечисляет несколько причин, по которым реформы в Памире прошли успешно.²³ Одной из основных были духовно-религиозный подтекст и влияние AKDN. Новоиспеченные фермеры (многие из них – бывшие учителя и врачи) почти ничего не знали про то, как успешно заниматься частным фермерством. Однако люди охотно принимали инициативы AKDN, так как ассоциировали ее со своим духовным лидером – Ага-Ханом. Свою роль сыграли и хорошие отношения, сложившиеся между Ага-Ханом и президентом Рахмоновым. Организация Ага-Хана активно участвовала в мирных переговорах во время гражданской войны, Ага-Хан наладил отношения с центральными властями, в Душанбе был построен крупный исмаилитский центр. В целом, без AKDN и международных доноров, которые финансируют ее проекты, не удалось бы улучшить условия жизни в Горном Бадахшане.

(а) Программы развития AKDN после гражданской войны

После окончания гражданской войны в Таджикистане многие характеристики жизни на Памире изменились. В частности, в регионе была восстановлена и улучшена сельскохозяйственная, образовательная, энергетическая и экономическая инфраструктура. У населения расширились возможности в сфере занятости, хотя этот регион, как и весь Таджикистан, демонстрирует большой отток населения в Россию в рамках экономической миграции. При этом в одних домохозяйствах процент «уехавших» велик, а другие могут полностью обеспечить себя с помощью хозяйственной активности и коммерческих инициатив на местах.

Проект по микрофинансированию

Проект по развитию микрофинансирования, как и многие другие проекты развития AKDN, направлен на поощрение личной инициативы и предпринимательства. В.Д.Никулина²⁴ приводит описание того, как программа микрофинансирования работает в кишлаке Ёгед (это не исмаилитское, а таджикское селение на Памире – горная программа Ага-Хана рассчитана не только на исмаилитов). Общинные сберегательные группы (ОСГ, или, в таджикской аббревиатуре, ГАЧА) представляют собой собрания, проходящие раз в две недели с участием от 18 до 25 человек из числа жителей кишлака. Участники делают взнос от 20 до 100 сомони, и таким образом собирается общий пул, который может достигать эквивалента 250 долл. Собранная сумма обычно делится на несколько крупных частей и отдаётся людям, которые хотят взять кредит. Деньги выдаются под низкий процент (2%) сроком до шести месяцев.

Все присутствующие путем голосования принимают участие в выборе участника ОСГ, который получит займ. Также коллективно определяется срок выплаты кредита. Помимо своей основной задачи, ОСГ поощряет коллективное принятие решений (что, как мы помним, является этической ценностью, провозглашённой имамом). Участвовать в ОСГ может любой желающий, но, согласно уставу, программа ориентирована в основном на женщин и молодёжь. Одна из участниц во время интервью сообщила, что благодаря ОСГ смогла приобрести бытовую технику, а её соседка даже сделала ремонт в доме.

Однако побочным эффектом ОСГ является усиление социально-экономического расслоения. В конце цикла выплаченные обратно деньги с учетом процентов распределяются между «игроками» пропорционально их первоначальным вкладам. Таким образом, участники, вложившие больше денег, получают большую финансовую выгоду. Кроме этого, на практике некоторые люди, имеющие достаточно средств, участвуют сразу в двух сберегательных группах (что запрещено уставом), и получают еще большую выгоду.

Практика «гостевых домов»

У исмаилитов и в целом на Памире распространена практика “homestay” – «домашних» гостиниц (т. е. домов, в которых проживают хозяева, но есть и гостевые комнаты). Теоретически, любой памирец может открыть гостевой дом, но для того, чтобы попасть в официальный реестр таких домашних гостиниц, который доступен туристическим организациям, необходимо выполнить определенный набор требований – как практических, так и бюрократических. Нужно получить разрешение на открытие гостевого дома, удовлетворить все требования к его функциональности. Эти «препятствия», как показывает практика, легче всего преодолеть тем, кто имеет связи с организацией Ага-Хана (либо сам там работает, либо там работают его родственники или друзья).

Пример из полевой практики В.Никулиной: семья из кишлака Амбав никак не связана с AKDN, но очень инициативна. Они хотят сделать гостевой дом, но у них не получается, так как возникает слишком много административных и физических препон. В то же время всеми домашними гостиницами, в которых останавливалась исследователь, владели либо сотрудники AKDN, либо главы местной администрации (*раисы*).

Проект по развитию образования

В г. Хороге, столице ГБАО, функционирует несколько образовательных инициатив AKDN. В частности, это курсы под эгидой Университета Центральной Азии (УЦА). Один из источников полевого материала В.Никулиной – представитель «золотой молодежи», у него дом в центре Хорога, а его отец был бизнесменом. Он некоторое время учился в Румынии, но продолжил образование в Хороге (и хорошо отзывается о качестве образования). В то же время другой источник, родом из кишлака, после окончания школы поехал в Россию работать на стройке для того, чтобы оказать финансовую поддержку семье. Однако он очень хотел учиться, поэтому по возвращению на родину нашел курсы английского языка при УЦА. Эти курсы – неофициальные, и, в отличие от первого информанта, он не получит официального диплома. Если бы у него была такая «корочка», он бы смог работать гидом. «Без связей с AKDN меня даже гидом работать не берут», – говорит он.

Анализ кейсов

Описанные проекты схожи тем, что они способствуют социальному и экономическому расслоению. Люди, у которых есть деньги, могут быстрее увеличить свой капитал с помощью ОСГ. Памирцы, у которых есть связи с AKDN (это изначально более инициативные и образованные люди), могут дать хорошее образование своим детям и открыть мелкий бизнес (например, гостевой дом). Главным «побочным» результатом программ развития AKDN стало *упрощение получения доступа к новым возможностям для привилегированных представителей общины*.

Распределение привилегий в какой-то мере происходило параллельно процессам оказания гуманитарной помощи в 1990-е гг. Блисс объясняет, как изначально формировалась группа привилегированных памирцев.²⁵ Земельные участки во время «реформы» распределялись поровну между всеми домохозяйствами. Те люди, у которых в это время было достаточно мужской силы в домохозяйстве, стали успешными фермерами, а те, у кого в домохозяйстве были преимущественно женщины и пожилые люди (или профессионалы – учителя, врачи, которые должны были проводить большую часть времени на работе), не смогли получить значительную выгоду от фермерства. Другой пример: AKDN предоставляла экспериментальные сорта картофеля «инициативным» жителям кишлака, которые потом обязаны были инструктировать остальных о том, какой сорт лучше растет и как за ним ухаживать. Эти люди впоследствии сохранили связь с AKDN, а некоторые из них стали сотрудниками

организации. Так как AKDN было удобно сотрудничать с более образованными памирцами, которые уже имели представление о «западных» ценностях, образовательное неравенство только усиливалось: люди, сохранившие связь с AKDN, без проблем отдавали своих детей учиться в заведения Ага-Хана.

Такое расслоение – вполне ожидаемый результат действия проведенных реформ в духе рыночной экономики. Возникает закономерный вопрос – почему Ага-Хан работает в неолиберальном духе рыночных механизмов и демократизации?

Исторически так сложилось, что Ага-Хан I, а затем Ага-Хан III сформировали сообщество исмаилитов благодаря сотрудничеству с британскими колониальными властями в Индии. Британцы в отношениях с исмаилитами и другими общинами в колониях, руководствовались ориенталистской теорией, согласно которой «Запад» – цивилизованный, а «Восток» – отсталый. Через такую призму Ага-Хан видит своих последователей («мюридов») и до сих пор – как людей, живущих в бедности и вне благ цивилизации, которые нуждаются в том, чтобы их кто-то «цивилизовал»: «*бедные мужчины и женщины нуждаются в доступе к сбережениям и микрокредитам*».²⁶ Цивилизованность в интерпретации Ага-Хана IV – это включенность в мировой рынок, или хотя бы функционирование по рыночной системе.²⁷ В этой связи уместно вспомнить доминантный подход в транзитологии (изучении переходных социально-экономических и социально-политических систем), согласно которому предполагается, что все страны с «переходной» экономикой в конце концов придут к «нормальному» капитализму.²⁸ Именно такой подход характерен и для институтов Ага-Хана. Суть его в том, что, если работать по рыночной системе, то можно преуспеть, заработать самому и обеспечить благополучие региона.

Следует, однако, отметить, что на современном этапе AKDN – это не ориентализм в чистом виде: так, Ага-Хан пытается освоить местные категории («*махалля*», «гостевые дома» и другие формы коллективизма) и апеллирует к исламу и исмаилизму.

Понимание благосостояния, «хорошей жизни», характерное для AKDN, понимается, прежде всего, как *доступ к товарам и услугам*. Однако такое понимание значительно отличается от того, что понимают под этим сами жители горного региона.²⁹ Для них хорошая жизнь – это, прежде всего, *возможность полагаться на поддержку расширенной семьи и друзей-соседей*. Под поддержкой здесь подразумевается как безусловная помощь, так и в какой-то мере общая собственность (понятие частной собственности в кишлаках ГБАО – очень своеобразное: друзья могут брать вещи без спроса и не возвращать, если они считают, что хозяину вещь не нужна).³⁰ Это то, что делает жизнь стабильной, а возможность социализироваться среди тех, кому ты доверяешь, как себе – делает жизнь счастливой. Если спросить памирца, счастлив ли он, то он ответит «да, конечно», даже когда у него из еды осталась только лепешка и чай.

Рыночные механизмы разрушают такие «добрососедские» социальные связи. Те, у кого вдруг становится больше денег, больше не хотят ими делиться. Показателен пример, приведенный Д.Монтгомери: один из жителей кишлака прошел тренинг в НПО, открыл успешный магазин и не хочет делиться выгодой с соседями; все считают, что он поступает неправильно, что это «не так, как принято». Таких случаев довольно много. Например, группа людей сосредоточила в своих руках бывшую колхозную технику. Один фермер их отругал, так как это не «по-добрососедски», и после этого ему отказали в предоставлении услуг тракториста. Через несколько лет он объединился с другими людьми, которые также были недовольны ситуацией, и стал вспахивать поля с помощью плуга и коней. Другой пример, из работы В.Никулиной:³¹ в один из циклов сбора средств для ОСГ все собранные сбережения были украдены. Люди, которые вкладывались в «коробочку» (деньги физически лежат в коробке), потеряли мотивацию участвовать в игре, и иронически называют тех, кто участвует в ОСГ, «банкирами». Пример из книги Ф.Блисса: в отдаленном кишлаке фермеры производят сельскохозяйственную продукцию. Один раз они привезли ее на базар в Хорог, где с ними не очень хорошо обошлись. Они разочаровались в рынке, и вместо

того, чтобы попробовать еще раз, продают товар в два раза дешевле перекупщикам, которые приезжают в кишлак.

Понятно, что под влиянием рыночной экономики старая социальная структура меняется, но не так, как, возможно, хотел бы Ага-Хан или сами памирцы. С одной стороны, люди, разочарованные в капиталистических структурах, объединяются и стремятся сохранить добрососедские, доверительные отношения. С другой стороны, те, кто получил привилегии, используют их, чтобы увеличить свой капитал и обеспечить «блат» друзьям. В итоге реализация проекта «хорошая жизнь» (в понимании AKDN) во многом подрывает механизмы «хорошей жизни» в том виде, как ее в основном понимают в самом регионе. При этом памирцы-исмаилиты не могут отказаться от навязываемых им рыночных реформ и механизмов, так как это будет означать, что они критикуют имама.³²

Причины такой ситуации отчасти кроются в том, что AKDN не смогла предсказать некоторые результаты своей деятельности – в т. ч. потому, что персонал, который разрабатывал программы, был слабо осведомлен о региональных социокультурных и институциональных особенностях, о том, как, кем и в какой среде будут выполняться программы. Дж.Скотт называет это «разрывом между плановой и практической рациональностью».³³ Однако можно предположить и то, что в силу неолиберальной, «капиталистической» идеологии AKDN, разработчики программ развития и помощи, хотя и осознавали всю неоднозначность ее применения на практике, тем не менее, просто проигнорировали возможные последствия как «рудимент» старой, традиционной системы хозяйствования, которая «так или иначе» будет заменена рыночной.

(б) Хорогский кризис 2012 г.

Отдельного внимания заслуживает миротворческая деятельность AKDN. В период после окончания гражданской войны в Таджикистане, эта деятельность наиболее явно проявилась в ходе урегулирования конфликта в Хороге в 2012 г. Она вписывается в «неолиберальный нарратив» следующим образом: Организации Ага Хана выгодно поддерживать дружественные отношения с государственной властью, чтобы продолжать работу в регионе. Поэтому AKDN выступает за мир и идет на сотрудничество с представителями центральных властей даже тогда, когда оно противоречит настроениям памирцев.

Центральная власть не жалуется памирцев со времен гражданской войны, так как помнит, что они были по другую сторону конфликта. Соответственно, и в регионе не очень довольны центральной властью и не доверяют ей, в т. ч. потому, что она в значительной мере «забросила» ГБАО и фактически перестала оказывать региону многие базовые государственные услуги, необходимые для нормальной жизни. Т.Мостовлянский приводит интересный пример выражения такого недоверия: одной домашней гостинице в Мургабе подарили две солнечные батареи, одну подарила AKDN, а другую – «президент» (т. е. власти). По словам владельца гостиницы, батарея, которую подарил президент, *конечно*, быстро сломалась, а та, которую подарил Ага-Хан, *конечно*, отлично работает и по сей день.³⁴ Авторитет центральной власти невелик и потому, что многие традиционные для государства функции на Памире берет на себя AKDN.

По мнению ряда экспертов, внутренний конфликт 1992–1997 гг. был не столько разрешен, сколько заморожен (по крайней мере, применительно к Памиру),³⁵ поэтому мир в регионе носит хрупкий характер. Дж.Хизершоу в своем анализе постконфликтного восстановления Таджикистана указывает на то, что в регионе существует три разных понимания *“peacebuilding”* (восстановления мира, или миростроительства). Первое свойственно западным НПО и международным организациям и включает продвижение прав человека, безопасности и благосостояния. Это, в частности, включает сведение долгосрочных политических изменений (по направлению к демократии) к ряду задач, которые могут быть решены

здесь и сейчас. Второе – это *“Tinji”* (тадж. «мир») – дискурс простых людей. В их понимании, если конфликт нельзя решить, то, по крайней мере, его можно избежать, если оставаться вне политики. Третий дискурс «миростроительства» – это дискурс чиновников, который подразумевает централизацию власти в руках элиты и истребление или репрессии против тех, кто ей противится. Так разные агенты, используя одно и то же понятие *“peacebuilding”*, вкладывают в него совершенно разный смысл и преследуют разные цели. В беспорядках в Хороге 2012 г. нашли проявление все три дискурса.

24 июля 2012 г. местным ополчением был убит представитель центральной власти генерал-майор Назаров. В регион были направлены вооруженные силы, и началась перестрелка, которая длилась два дня. На третий день начались переговоры, в которых приняли участие сотрудник AKF (Aga Khan Foundation, подразделение AKDN) Егор Файзов, представитель центральной власти полковник Ш.Искандаров, а также местные полевые командиры, включая И.Имомназарова. Переговоры велись на трех площадках в Хороге (Хлебзавод, Бар-Хорог и УДП), где базировались основные местные полевые командиры.

Центральные власти пообещали вывести военные части, введенные в регион после убийства Назарова, и гарантировать мир и спокойствие на Памире, если местные лидеры сдадут оружие. Памирцы с недоверием отнеслись к обещаниям центральной власти, но неоднократные апелляции Файзова, медиатора от AKF, к фигуре Ага-Хана, помогли преодолеть их недоверие:

– «Файзов: *Все благодарности – не мне, а Мавлоно Хозир Иمامу, а также брату Имомназарову, а также всем людям, которые встретились со мной – представителем Хозир Имама.*

– Полевой командир Мамадбокиров – Файзову: *Мавло [имам – А.А.] далеко от нас, но ты будешь нашим гарантом сохранности.*

– Файзов: *Я не гарант сохранности, но если что, мы умрём все вместе».*³⁶

В результате полевой командир Мамадбокиров согласился сдать оружие. Файзова восприняли как фигуру, выражающую интересы Ага-Хана, и благодаря этому он смог убедить памирцев сдать оружие. 28 июля, через четыре дня после начала столкновений, прошло одностороннее разоружение. Однако обещание власти о том, что военные части будут выведены из Памира, так и не было выполнено, как и взятое на себя властями обязательство поддерживать мир на Памире (так, полковник Имомназаров был убит в своем доме вскоре после окончания беспорядков, а полковник Искандаров по результатам операции получил звание генерала).

Рассмотрим хорогские события в свете описанных Хизершоу дискурсов *“peacebuilding”*. Официальная версия причины военных действий – поймать тех, кто ответственен за убийство Назарова, а также разобраться с «индивидуумами, которые ведут преступную деятельность в сотрудничестве с афганскими боевиками» (хотя оснований для таких утверждений не было).³⁷ Непроговоренные цели центральной власти – ликвидировать местных авторитетов и сделать Памир менее автономным и более политически зависимым от центральной власти. Это – вполне в духе дискурса «миростроительства».

Гражданское общество и население, судя по описанию Ф.Конунова, требовали установления мира и вывода войск. Такое требование можно суммировать так: «мы будем лояльны к власти и аполитичны, если вы нам дадите жить без военных действий».

Можно было ожидать, что AKDN будет действовать в духе западной интерпретации *“peacebuilding”*, включая продвижение «западных» ценностей демократии, как это было во время гражданской войны. Тогда имам как глава AKDN постоянно проводил встречи с центральными и местными властями, лидерами оппозиции, главами местных общин, религиозными лидерами. AKDN активно содействовала заключению мирного соглашения между правительством Таджикистана и Объединенной таджикской оппозицией 1997 г. С тех пор AKDN на Памире воспринималась как главный посредник между населением, правительством,

оппозицией и международным сообществом. Именно это позволило AKDN участвовать в событиях 2012 г. в роли посредника, а представителю AKDN Файзову – подписать акт разоружения (несмотря на то, что AKDN не имела мандата на такие действия в Таджикистане).

Если верить полевым материалам Ф.Конунова, то в хорогском кризисе AKDN, скорее, пошла на поводу у правительства, чем защищала интересы памирцев, которые хотели сохранить за собой автономию. Сам Ф.Конунов считает, что Файзов мог воспользоваться ситуацией, чтобы извлечь личную выгоду из «разрешения» конфликта. Однако более вероятным представляется другое объяснение. Этика Ага-Хана велит *мюридам* (последователям) быть патриотами, и сам имам считал действия Файзова правильными и, вероятно, одобрил их. Здесь, как и в случае с проектами развития, прослеживаются неожиданные последствия в силу различий в интерпретации этических сводов Ага-Ханом и, собственно, памирцами: для памирцев постулат о верности своему государству – достаточно проблематичный и, с точки зрения многих местных жителей, Файзов поступил нечестно, «сдав» их государству и его силовым структурам. Для Ага-Хана же лояльность государству и центральной власти – незыблемая ценность.

В целом, посреднические усилия представителей Ага-Хана могут быть и положительно восприняты в рамках как дискурса “Tinji-мира”: военные действия были прекращены (что позволяет, например, С.Рахимшоевой заключить, что миротворческие усилия завершились успехом), так и дискурса «миростроительства» (центральная власть ослабила местных авторитетов и укрепила контроль над регионом). Частично успешным был выход из кризиса и согласно продвигаемому самой Организацией Ага-Хана дискурсу “peacebuilding-мира” (но только в том смысле, что AKDN сохранила влияние в регионе и может продолжать осуществлять свои проекты, а не в смысле продвижения демократических подходов). Наибольшее недовольство результатами кризиса и его урегулирования продемонстрировали политизированные жители Памира, среди которых (включая, например, эксперта, выходца из этих мест Ф.Конунова,³⁸ который, являясь «инсайдером», оценивает действия AKDN как однозначный провал). По его мнению, памирцы разочаровались в действиях AKDN, в подтверждение чему он приводит ряд видеоматериалов с записью возмущения жителей действиями организации в ходе конфликта. Однако это мнение не подтверждено статистикой, а полевая практика автора данной статьи, проводившаяся в период после конфликта, показывает, что информанты в целом довольны действиями AKDN. Скорее всего, разочаровалась только группа «политизированных» памирцев, которые поверили в нарратив «запад, демократия, справедливость».

Конфликт 2012 г. можно трактовать и как практику *территориализации* (перераспределения влияния на территорию и контроля над ней) – попытку «автономный Памир» сделать в большей степени частью Таджикистана как в символическом плане, и в плане системы управления. В ходе конфликта основные рычаги политического влияния в регионе были перераспределены, и разные акторы получили больше или меньше влияния по сравнению с предыдущей ситуацией.

Как полагает К.Корсон,³⁹ в процессе территориализации участвуют как государственные, такие негосударственные институты. Государство является «посредником», через которого разные негосударственные акторы получают доступ к распространению своего влияния на территорию. На примере консервации природных угодий Мадагаскара она показывает, как НПО, взаимодействуя с государством, распределяли зоны влияния, – не только с целью охраны природы, но и с целью распределения контроля над ресурсами (полезными ископаемыми). Совместно с государством эти агенты формировали новую схему пользования природными ресурсами. В этом смысле государство совместно с другими агентами является проводником неолиберальной политики, обеспечивая доступ к ресурсам только определенным организациям, которые от этого получают выгоду.

Территориализация включает претензии тех или иных акторов не только на прямой контроль над ресурсами, но и на контроль над теми, кто имеет доступ к ресурсам. Это можно проиллюстрировать на примере хорогских событий: AKDN использует государство как посредника, чтобы сохранить свои практики управления в регионе, но и государство, удовлетворяя претензии AKDN на частичное управление регионом (и распространение там своей неолиберальной субъективности), закрепляет за собой право определять тех агентов, которые будут иметь власть и контролировать те или иные зоны.

В рамках этой модели неолиберальные аспекты регулирования конфликта не лежат на поверхности, т. е. речь не идет напрямую об аккумуляровании капитала через процесс территориализации. Однако сама власть тоже является ресурсом, поэтому и данный конфликт можно трактовать в свете неолиберализма.

VI. Заключение

С одной стороны, проведенный анализ как нельзя лучше демонстрирует возможность подстраивания неолиберального проекта под различные социокультурные контексты. С другой стороны, диалектическое соотношение между религиозной этикой, институтами, дискурсом – и концепцией и практикой неолиберального развития остается слабо изученным. «Развитие» влияет на религиозные НПО, религиозные ценности меняются сквозь призму практик «развития». Дискурс справедливости и равенства сменяется дискурсом «самопомощи» и «эффективного менеджмента». В случае с AKDN, как и с мусульманскими НПО в Египте,⁴⁰ неолиберализм успешно перекладывает ответственность за неудачи общества на плечи индивидов. Делая их ответственными, AKDN и другие НПО неолиберального, в т. ч. религиозного типа переводят внимание общества с реальных политических проблем и противоречий на индивидуальный уровень. Такой проект держится на связке «материального успеха» и «хорошей (правильной) религиозности». Так, в случае с AKDN этика исмаилизма включает ценность процветания сообщества, в которое каждый должен нести свой личный вклад.

Относительно роли AKDN в урегулировании хорогского конфликта 2012 г. можно заключить следующее. AKDN включена в сеть акторов, вовлеченных в управление. С одной стороны, ей выгодно проводить свою политику воспитания «неолиберальных субъектов» без вмешательства государства. С другой – AKDN так же, как и государство, заинтересована в аполитичности населения. Политизация существующих острых социальных проблем может создать запрос не столько на неолиберальное, сколько на их «исламистское» решение. Исмаилиты – религиозное меньшинство в Таджикистане, и любой конфликт с государством делает их (и AKDN) уязвимыми. Сотрудничество AKDN и государства в разрешении конфликта, таким образом, можно интерпретировать не только с точки зрения неолиберализма, но и как сотрудничество во избежание дальнейшего кровопролития.

Заключая, можно сказать, что процессы, описанные здесь применительно к «исламскому неолиберализму» в лице AKDN, не уникальны для ислама – наибольший интерес представляет, скорее, само сочетание религии и экономической рациональности, которая в каждом конкретном случае принимает разную форму. Пример работы AKDN в таджикском Памире можно рассматривать и в свете более широкой дискуссии об «умеренных» мусульманских НПО, к которым AKDN, безусловно, принадлежит. Как и другие такие НПО, AKDN использует секулярную самопрезентацию (причем доводит ее до предела, заявляет о себе как о полностью светской организации); меры, которые применяет AKDN для помощи местным сообществам – это переключение на «девелопмент» (включая развитие образования и экономики) вместо простой «раздачи» гуманитарной помощи; организация нанимает местных работников и минимальное количество «западных» специалистов для передачи навыков «хорошего менеджмента». На Памире, как и в других контекстах, ряд этих мер вызывает и такие неоднозначные последствия, как расслоение общества

на людей, в той или иной степени связанных с НПО (более привилегированных) и не связанных с НПО и сохраняющих худшие стартовые условия. В этом смысле религиозные, в т. ч. умеренные мусульманские, НПО вполне укладываются в неолиберальный проект, несмотря на то, что сохраняют и претендуют на определенную аутентичность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ De Cordier B. Faith based aid, globalisation and the humanitarian frontline: an analysis of Western based Muslim aid organisations // *Disasters*. V. 33. № 4. 2009. P. 608–628; Petersen M.J. Trajectories of transnational Muslim NGOs // *Development in Practice*. V. 22. № 5–6. 2012. P. 763–778.

² Petersen M.J. *Op. cit.*

³ Официально АКДН не является религиозной НПО, но так как она тесно связана с исмаилизмом как организационно, так и в религиозно-этическом плане, в статье она рассматривается в сравнении с другими мусульманскими НПО.

⁴ Manji F., O’Coill C. The missionary position: NGOs and development in Africa // *International Affairs*. V. 78. № 3. 2002. P. 567–584.

⁵ Sachs W. The archaeology of the development idea // *Interculture*. V. 23. № 4. 1990. P. 1–37; Bebbington A. NGOs and uneven development: geographies of development intervention // *Progress in Human Geography*. V. 28. № 6. 2004. P. 725–745.

⁶ Atia M. “A way to paradise”: Pious neoliberalism, Islam, and faith-based development // *Annals of the Association of American Geographers*. V. 102. № 4. 2012. P. 808–827.

⁷ Poor D.M. The AKDN: An Overview of the Ismaili Imamate’s Institutional Endeavors // *Idem. Authority without Territory: The Aga Khan Development Network and the Ismaili Imamate*. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. P. 169–203.

⁸ У исмаилитов есть «главный» имам, власть которого передаётся по наследству (в отличие, например, от суннитов, у которых имамом становится авторитетный человек из общины).

⁹ Frequently asked questions. AKDN. URL: <http://www.akdn.org/faq.asp>.

¹⁰ Karim K.H. Aga Khan development network: Shia Ismaili Islam // *Global Religious Movements Across Borders: Sacred Service*. Ed. By S.M.Cherry and H.R.Ebaugh. – L.: Routledge, 2014. P.143-160; Mostowlansky T. Humanitarian across mountain valleys: “Shia aid” and development encounters in Northern Pakistan and Eastern Tajikistan // *Mapping Transition in the Pamirs: Advances in Asian Human-Environmental Research*. Ed. by H.Kreutzmann, T.Watanabe. – Cham; Heidelberg etc.: Springer, 2016. P. 229–244; Steinberg J. Isma’ili modern: globalization and identity in a Muslim community. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2011.

¹¹ Подробнее см., например, Poor D.M. *Op. cit.*

¹² Цит. по: Karim K.H. *Op. cit.*

¹³ Ibid.; Poor D.M. *Op. cit.*

¹⁴ Цит. по: Karim K.H. *Op. cit.*

¹⁵ Steinberg J. *Op. cit.*

¹⁶ Poor D.M. *Op. cit.*

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Алексеева А.В. Жизненные планы таджиков-памирцев в России. Дисс. на соиск. ст. магистра. – СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге (ЕУСП), 2015; Бушков В.И., Моногарова Л.Ф.

Этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан в XX в. // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 5. С. 215–224.

URL: https://www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac11_2000/23.bushk.shtml.

¹⁹ Bliss F. Social and Economic Change in the Pamirs (Gorno-Badakhshan, Tajikistan). Transl. from German by N. Pacult and S. Guss. – L.: Routledge, 2006.

²⁰ Егорушкина Е. Поколение Хозир Имама: Памирские исмаилиты в к. XX – н. XXI вв. Дисс. на соиск. ст. магистра. – СПб., 2009.

²¹ Bliss F. Op. cit.

²² De Cordier B. Islamic faith-based development organizations in former Soviet Muslim environments: the Mountain Societies Development Support Programme in the Rasht valley, Tajikistan // Central Asian Survey. V. 27. № 2. 2008. P. 169–184

²³ Bliss F. Op. cit.

²⁴ Никулина В.Д. Проекты развития и мобилизация локальных сообществ в Горно-Бадахшанской Автономной Области. Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/3368/1/Nikulina_Viktoriya_VKR.docx

²⁵ Bliss F. Op. cit.

²⁶ Цит. по: Никулина В.Д. Ук. соч.

²⁷ Steinberg J. Op. cit.

²⁸ Morris J., Polese A. The informal post-socialist economy: Embedded practices and livelihoods. – L.: Routledge, 2014.

²⁹ Montgomery D.W. Relations made over tea: reflections on a meaningful life in a Central Asian mountain village. Central Asian Survey. 2013. V. 32. № 4. P. 475–486; Алексеева А.В. Ук. соч.

³⁰ Ibid.

³¹ Никулина В.Д. Ук. соч.

³² Steinberg J. Op. cit.

³³ Скотт Д. Благими намерениями государства – М.: Университетская книга. 2005.

³⁴ Mostowlansky T. Op. cit.

³⁵ Rakhimshoeva S. Conflict Resolution. The Role of AKDN and OSCE during and after the Pamir Crisis. B.A. Thesis, American University in Central Asia, 2013. URL: <https://auca.kg/uploads/EuropeanStudies/Shssamsiya%20Rakhimshoeva%20%20Final%20Thesis%20Paper.pdf>

³⁶ Konunov F. Conflict Resolution in Tajikistan: The Pamir Case. Bachelor dissertation, Department of International and Comparative Politics, American University in Central Asia, 2015.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Corson C. Territorialization, enclosure and neoliberalism: non-state influence in struggles over Madagascar's forests // Journal of Peasant Studies. V. 8. № 4. 2011. P. 703–726.

⁴⁰ Atia M. Op. cit.